Недоброжелательность

— Насилие – это искусство.

Героический охотник, одетый в чёрные полуночные лохмотья, дёрнулся и оглянулся через плечо. При этом он схватил голову другого человека с такой же лёгкостью, с какой обычно схватывают яблоки. Охотящийся Воро́на посмотрел на голодного Во́рона справа, затаившегося наверху, в углублении между двумя соединёнными арками.

Во́рон потянулся вверх, вывернув руку, как будто желая схватить луну так же, как охотящийся Воро́на схватил свою несчастную добычу. Чтобы сорвать её с неба, как яблоко. Отметины на обнажённом туловище Во́рона светились кроваво-красным, приглушенный, кипящий источник света.

— Так же как и скульптуры, стихотворения или песни, насилие – это выражение вдохновения. Фактически, насилие – это древнейшее искусство. Самое первое из всех. Когда ещё не было пирамид, а в головах людей было меньше мыслей, чем пальцев на их руках, насилие было нашим первым способом самовыражением.

— Что?.. — озадаченно спросила добыча Воро́ны, прежде чем её воткнули лицом в грязь.

— Что? — спросил громадный Воро́на, его голос был похож на грохот камней. Даже под покровом темноты его раздражение было очевидно.

Голодный Во́рон захихикал и скатился со своего насеста, падая…

Ещё одна фигура из ржавчины и теней пронеслась сквозь темноту арки, абсолютно бесшумная и молниеносная. Громадный Воро́на напрягся и выпустил свою жертву, подняв обе руки, чтобы поймать выпад убийцы.

Во́рон упал на новоприбывшего с неправдоподобной силой, вдавив их в землю и трижды подняв и опустив колено в жестокой последовательности. Между каждым ударом колена, теневой нападавший извивался и метался, как выброшенная на берег рыба, и каждый раз Во́рон умело парировал его попытки захвата. На четвёртом и последнем ударе несостоявшийся убийца выгнулся дугой и издал слабый крик, когда его позвоночник слышно треснул. Он опустился на землю, резко обмякнув.

— Легко забыть о нашем мрачном происхождении, — продолжал Во́рон, поднимая Воро́ну и стягивая капюшон с его головы. Перед ними предстал молодой человек с бледными и суровыми чертами лица. Он был ещё жив, его глаза беспомощно закатились в глазницы. — Пока мы нежимся в очистительных ваннах, облачаемся в шелка и украшения и обмениваемся вдумчивыми мнениями. Эта роскошь уводит нас всё дальше от наших корней, всё ближе к цивилизованному существованию.

— Но, — прошептал Во́рон, звук был похож на двигающийся песок. Он наклонился, и его закрытое вуалью лицо оказалось в нескольких дюймах от парализованного убийцы.

— Даже так, — глаза юноши, единственная часть его тела, которую он ещё мог контролировать, дрогнули, вглядываясь в вуаль.

— Всё, чем мы являемся, и всё, чем не являются немытые варвары этого мира, было построено на фундаменте вдохновенного насилия. Мы свободны быть больше, потому что наши жестокие предки убили всех, кто мог сделать нас меньше.

— К чему ты клонишь? — нетерпеливо спросил охотящийся Воро́на, срывая маску со своего пойманного падальщика и качая головой от того, что он обнаружил.

— Я хочу сказать, друг мой, что беспокоюсь за тебя и наших товарищей, — тихо сказал Во́рон, его вуаль коснулась носа бледного человека. — Я тоже беспокоюсь за тебя, маленький падальщик. За всех на этой горе.

Охотящийся Воро́на клюнул: «Беспокоишься о чем?»

— Я беспокоюсь о том, что ты забыл о правилах природы теперь, когда ты можешь бросить им вызов, — сказал он Герою, замаскированному под Воро́ну. — Где твоя искра? Где твоё творчество в насилии? Ты ходишь по Олимпии так, словно твои запястья связаны только потому, что ты не можешь использовать всю тяжесть своей души. Какая разница, если ты не можешь использовать всё, что у тебя есть, против более слабого противника? Какая разница, если ты не можешь сразиться с более сильным противником в полную силу, до тех пор, пока ты лучше их?

Громадный Воро́на молча смотрел на порезы, которые он получил за эту ночь. Это были не более чем мелкие порезы и ссадины, но они сочились испорченной, омрачённой ядом, кровью.

— Насилие – это такое же искусство, как и любое другое, — повторил голодный Во́рон. — Вы, герои, так привыкли быть самыми громкими голосами в хоре, что забыли, каково это, когда тебя заставляют молчать. Каково это – быть превзойдённым во всех аспектах, кроме того, который ты можешь контролировать.

Далёкий победный крик орла расколол ночь. Их спутники нашли свои цели.

— Я считаю эти ночи возвращением в форму, — сказал Во́рон, всё крепче сжимая шею парализованного убийцы, пока его глаза не закатились. Милосердно без сознания. — Воро́на не может быть ничем большим, кроме как падальщиком. Пока ты здесь, не имея возможности сражаться с помощью даров, которые делают тебя по-настоящему уникальным в этом мире, сосредоточься на том, что есть у каждого человека с того момента, как мы были сформированы из никчёмной глины.

— При надлежащем усовершенствовании даже Воро́на может убить короля.

Из-под одеяния бессознательного убийцы выпорхнула чернильная птица, с отчаянной скоростью взлетевшая в противоположную сторону от орлиного крика. Громадный Воро́на бросился за ней, загибая свои пальцы с явным намерением, но всё, что могло бы произойти при свете дня, пропало в анонимности.

Массивный небесный топор ударил воро́ну в воздухе, и крутясь пригвоздил её к ближайшей скале. Она умерла, не успев издать и звука.

— И если музы добры, — пробормотал Во́рон, бросив свою предыдущею добычу, чтобы вытащить свой топор из камня. — То почему герой не может свергнуть тирана?

Громадный Воро́на и пойманный им падальщик с ужасом смотрели, как Во́рон разрывает чернильно-чёрную птицу на части и высасывает из её костей звёздный костный мозг.

— Вы не привыкли сражаться таким образом, — заметил голодный Во́рон слева, парируя атаки двух Воро́н широкими взмахами своего небесного копья. — Ограниченными.

Позади него два Героя, замаскированные под Воро́н, придерживали кровоточащие раны, пока они отбивались от своих противников.

Убийцы Тиранов взяли инициативу в свои руки, найдя их раньше, чем они могли быть обнаружены, и приманили их лёгкими целями, отделёнными от стаи. Как только они клюнули на приманку, ночь взорвалась кровожадными падальщиками. Оба героических культиватора в первые же мгновения получили раны, которые убили бы меньшее существо на месте. Только благодаря тому, что они были теми, кем были, они ещё могли сражаться.

Они боролись с узами анонимности, и это было очевидно. И Воро́ны не медлили чтобы воспользоваться этой неопытностью.

— Почему мне вообще стоило привыкать так сражаться? — прорычала Героиня Песня Меча, схватившись за её лук, словно желая избить её противника им как булавой. Она положила обычную стрелу на золотую тетиву и пустила её в полет, ругаясь, когда её противник нырнул под неё и ударил ножом по её лодыжкам.

— Ради моментов вроде этого, — не задумываясь, ответил Во́рон.

— Я не собираюсь оказаться в такой ситуации дважды, — сухо сказал переодетый Герой Алебастровых Островов, пробираясь сквозь напор двух других Воро́н. Ещё три Воро́ны стояли по краям конфликта, ударяя по Во́рону и его героическим спутникам при любом удобном случае.

— Ты окажешься, — просто сказал Во́рон, остановив своё копьё в середине взмаха и вонзив его в брюхо налетевшей Воро́не. Это был быстрый, уродливый удар, который застал нападавшего врасплох. Воро́на вырвала себя из наконечника копья и попятилась назад, зажимая кровоточащую рану. — Что вы будете делать, когда столкнётесь с силой, превосходящей вашу? Каков ваш единственный выход, когда враг, за пределами вашей силы, попытается сразить вас?

Импульс безымянной силы ударил в другую Воро́ну. Она резко завалилась набок, словно падая с обрыва, и врезалась в своего товарища, повалив обоих на землю.

— Что вы сможете сделать, кроме как подчиниться?

— Я стану сильнее, — заявила Песня Меча, перехватывая свой небесный лук и обрушивая его на голову Воро́не. Затем, пока она была ошеломлена, она бросилась на неё и ударила словно молотом, вместо выстрела вонзив стрелу в стык между шеей и плечом.

— У тебя нет времени, — отмахнулся Во́рон. — Допустим, Тираны придут за тобой сегодня ночью. Что ты сделаешь?

— Мы будем сражаться вместе, — проговорил Герой Алебастровых Островов, разворачиваясь и нанося удар своим боевым молотом по Воро́не, прыгнувшей на спину Песни Меча. Удар попал по Воро́не, ломая ребра, и отправил падальщика в полёт через статую в ближайший грот.

Один из противников воспользовался случаем, метнув свой ржавый кинжал ему в спину, и, призвал шипящую риторику, заставив тени прыгнуть вверх, чтобы опутать его конечности. Стрела ударила кинжал в воздухе, и Песня Меча появилась рядом с ним, злобно ударив по колену Воро́не.

— Вы будете сражаться вместе, — согласился Во́рон, бросая очередную Воро́ну в их ожидающие удары. — Человек, способный сражаться с силой тысячи тысяч человек – это невероятная сила. Но пятьсот человек, способных сражаться как один – это ещё лучше.

— Прошло некоторое время с тех пор как я изучала квадривиум, — сквозь зубы призналась Песня Меча, заметно поправляя себя, когда её тело пыталось совершить какие-то инстинктивные движения, боевые приёмы, отработанные в течение всей жизни. — Но мне кажется, что числа не складываются.

— Потому, что они не складываются, — сказал Во́рон, медленно, но верно возвращаясь к ним, пока они втроём не образовали треугольник, обращённый наружу. Два Героя были ранены, но их противники чувствовали себя гораздо хуже. Они шли свободным кольцом вокруг них, то исчезая, то вновь появляясь в тени качающихся миндальных деревьев грота.

— Пятьсот хороших людей, сражающихся как один, не складываются в одного человека с силой пятисот. Это не свойство сложения.

Два Героя, замаскированных под Воро́н, напряглись, когда это безымянное давление опустилось на них, десятком мелких способов корректируя их позу и ориентируя их на противников. Они могли чувствовать это, дальнейшие их действия будут похожи на бег вниз по склону, пока влияние самого Во́рона дует им в спину. Попутный ветер, подгоняющий их к цели.

— Налево.

Оба героических Воро́ны упёрлись левыми ногами и выстрелили вперёд, как стрелы из лука. Их противники отреагировали с достойной скоростью, двигаясь, чтобы блокировать или парировать удары кинжалами, цепями и кнутами из плетёных волос.

— Налево. — Оба героических культиватора наклонили свои тела влево, уклоняясь от контратак и проскальзывая сквозь защиту.

— Налево, направо, налево. — Герой Алебастровых Островов вбил левый кросс в лицо Воро́не, за которым последовали правый хук и левый апперкот. Песня Меча проскочила мимо удара, направленного в её левую грудь, прямо над сердцем, а затем повернулась вправо и нанесла удар левым локтем, раздробив Воро́не глазницу и отправив её безжизненно падать в грязь.

— Твоя мать была дома, когда ты ушёл налево!

Герой Алебастровых Островов резко обернулся к Во́рону: «Ты прав!»

— Твой отец был дома, когда ты ушёл налево!

Песня Меча повернулась и обвиняюще сказала: «Ты прав!»

— Твоя сестра была дома, когда ты ушёл налево!

Ты прав!

Воро́ны вздрогнули и закружились вокруг них, пойманные внезапной нерешительностью.

— Твой брат был дома, когда ты ушёл налево!

Ты прав!

Один из убийц попытался убежать. Небесное копье Во́рона ударило его в колено и отправило в один из прудов грота. Во́рон протянул руку, в манящим жесте, и копьё послушно полетело обратно в его ладонь. Он вдохнул.

— Твоя мать и отец, сестра и твой брат, рабы и уловки, Судьбы и Музы – они все были там, когда ты ушёл!

— Ты прав! — Герои, переодетые Воро́нами, закричали.

— И потому ты ушёл налево!

ТЫ ПРАВ!

Во́рон пел песню его легиона.

— Когда я покинул Рим!

КОГДА Я ПОКИНУЛ РИМ!

— Моя мама плакала!

МОЯ МАМА ПЛАКАЛА!

Они бросились вперёд, трое действовали как один, и стая Воро́н рассыпалась в их руках. Вскоре два Героических культиватора уже собирали бессознательные тела и связывали их

теми же железными нитями, что связали их собственные запястья ранее этой ночью.

— Сотрудничество в бою – это экспоненциальная сила, — пояснил Во́рон, вытирая кровь со своего небесного копья. Там где проходила ткань его волнистого плаща кровь исчезала, но материал никогда не становился влажным. — Истинное сотрудничество, то есть.

— И какое отношение сражение с нашими руками, связанными за спиной, имеет к сотрудничеству? — спросила Песня Меча, но её агрессивные слова были преданы её тоном. Её сердце всё ещё стучало в такт грубой каденции легиона.

— Сражаться вместе – не обязательно означает сражаться как один, — терпеливо ответил он. — Группа Героев может достаточно легко сражаться бок о бок, но если каждый из них сражается под песню своей Музы, как они могут двигаться как единое целое?

— Культиваторы – это уникальные существа, — понял Герой Алебастровых Островов. Во́рон кивнул.

— Вы, Греки, обожаете мысль о том, чтобы стоять одному, — сказал он без особого осуждения. — И ваша культивация, как мне кажется, отражает это. Проблема с тем, чтобы быть Героем своей собственной истории, заключается в том, что она принадлежит только тебе и никому другому. Как ты можешь правильно координировать свои действия, если ты единственный, кто может сражаться так, как сражаешься ты?

— Практика, — пробормотала Песня Меча. — Практика и время, и чем выше ты поднимаешься, тем больше каждого из них.

— Именно. С другой стороны, есть вещи, которые может сделать любой солдат. Основы войны. Уродливые основы, которые вы, культиваторы, пытаетесь прикрыть возвышающимися колизеями сияющей добродетели. — Во́рон сжал кулак, и его влияние прижало каждого из пойманных ими Воро́н к грязи.

— Но эти уродливые основы прочны. Они могут выдержать вес человека без всяких сомнений.

— В какой-то момент потерянное из-за стандартизации должно перевесить приобретённое, — возразила Песня Меча. Во́рон пожал плечами.

— Возможно. Но вы ещё не дошли до этого.

Во́рон внезапно поднялся, и оба героя напряглись, глядя на южную сторону горы.

— Я нашла кого-то, кто пытался улизнуть, — пропела их едкая Воро́на. — Я нашла ещё одного разведчика! — Спускаясь с горы на сотню футов за шаг, через её плечо была перекинута молодая женщина, лодыжки и запястья которой были связаны железной нитью. На ней были черные одежды и прошитая чёрная вуаль, заметно более высокого качества, чем те лохмотья, в которых ходили остальные.

Их четвертая спутница ловко приземлилась среди них, гордо показывая свою добычу, прежде чем бросить её на землю. Девушка тихонько хмыкнула, очевидно, ещё находясь в сознании. Во́рон опустился на колени и стянул капюшон с её головы.

— Где человек, который знает всё…

Он резко замолчал. Приподнятое настроение едкой Воро́ны сразу же улетучилось. Герой Алебастровых Островов прошипел сквозь стиснутые зубы, а Песня Меча злобно выругалась.

Во́рон наклонил голову, глядя на девушку, пока она смотрела на него горящими глазами.

— Селена?

Как один, все чернильные конструкты, которые были у несостоявшихся убийц, вырвались из их мантий, безумно каркая и разлетаясь в разные стороны. Сверху, Сорея с победоносным криком спустился с небес и бросился в погоню.

Селена улыбнулась, в её глазах весело мерцали алые огоньки.

— Я нашла тебя, Солус.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3390179